

Достаточно привести хотя бы несколько примеров в подтверждение сказанного. Так, исходя из того, что граф Эдесский Балдуин II женился на армянке, Руссэ заключает, будто он осуществлял «политику, благоприятную к армянам» (стр. 127), которая, однако (по непоэтичным причинам, как это признает автор), потерпела неудачу, что заставило Балдуина «применить более суровые методы обращения со своими подданными» (там же). В действительности, как свидетельствует армянский хронист Матвей Эдесский (его данных автор предпочитает не касаться), власть крестоносцев в этом первом из основанных ими государств держалась исключительно на терроре против местного населения: франки, по словам хрониста, «предали страну разграблению, а людей — жестоким мучениям»²⁸. Попытки родни Годфруа Бульонского сблизиться с отдельными представителями армянской аристократии не меняли колонизаторской сущности этой политики.

Повествуя о порядках, сложившихся в Иерусалимском королевстве, Руссэ подробно рассказывает «благодеяния» королей и церкви, оказанные экономике Сирии и Палестины; он говорит, например, о поощрении крестьянской колонизации «святой земли», подчеркивая, что благодаря притоку крестьян из Бургундии, Гаскони, Фландрии и т. д. имел якобы место расцвет сельского хозяйства, в том числе виноградарства, разведения оливок, сахарного тростника и пр. (стр. 131). Однако Руссэ вовсе проходит мимо порабощения крестоносными завоевателями туземного крестьянства, подневольным трудом которого в первую очередь был обеспечен этот расцвет²⁹. Автор останавливается на подвеме торговли в Сирии в XII в., приписывая его «присутствию здесь итальянских и, в меньшей мере, марсельских и каталонских купцов» (стр. 131 сл.), но он совершенно не упоминает о политике притеснений местного купечества, проводившейся в Иерусалимском королевстве, о дискриминации в отношении туземного ремесла, осуществлявшейся захватчиками³⁰, и т. д.

Распространяясь о чувствах взаимного уважения франков и мусульман в государствах крестоносцев, Руссэ ссылается на свидетельства известного арабского писателя XII в. Усамы ибн-Мункыза, в частности на его известие о том, как возникла «большая дружба» между ним и неким франкским рыцарем, который перед своим возвращением на родину даже предложил Усаме взять с собой сына последнего с тем, чтобы тот получил во Франции рыцарское воспитание (стр. 140)³¹. Но автор, во-первых, преувеличивает значение отдельных фактов такого рода, говорящих лишь о единичных случаях сближения франкской знати с теми или иными представителями местной верхушки, у которой захватчики, находясь в меньшинстве, искали опоры. Во-вторых, Руссэ, приводя данный факт, опускает высказывание Усамы, следующее тотчас после сообщения о предложении рыцаря, сделанном ему перед отъездом последнего на родину, и показывающее подлинное отношение Усамы к своим «франкским друзьям»: «Мой слух поразили эти слова, которые не мог бы произнести разумный; ведь даже если бы мой сын попал в плен, плен не был бы для него тяжелее, чем поездка в страну франков»³². Вообще Руссэ часто высказывается в том смысле, что не стоит, мол, придавать особого значения тем выражениям Усамы, где он отзывывается неодобрительно о франкских обычаях вроде ордалий (стр. 140) или называет франков людьми, лишенными чести. Гораздо важнее, с точки зрения нашего автора, что Усама восхищается их храбростью (там же); в этом Руссэ усматривает результат франко-мусульманского сближения и проявления духа терпимости, якобы воцарившегося в государствах крестоносцев (стр. 141). Правда, терпимость эта была, добавляет он, частичной и отнюдь не постоянной, тем не менее, по мнению Руссэ, именно «она должна быть подчеркнута» (doit être souligné) (стр. 141).

Столь же тенденциозно истолковываются в разбираемых главах книги и данные других произведений арабской литературы о владычестве крестоносцев в Сирии и Палестине в XII—XIII вв. Руссэ не останавливается даже перед тем, чтобы из текста компиляции Абу Шама «Книга двух садов» (XIII в.), носящего явно антифранкский характер и содержащего в себе призыв к джихаду, сделать вывод. . . о взаимной интеллектуальной терпимости франков и мусульман. Этот вывод делается им на том только основании, что арабский писатель, упрекая единоверцев в отсутствии достаточного воодушевления в борьбе с врагами, противопоставляет им поведение франков, всегда готовых пожертвовать собой за свою веру, всемерно старающихся возмещать свои потери, выказывающих большую храбрость и пр. (стр. 141). Слова похвалы в адрес

²⁸ Цит. по кн.: Г. Г. Микаэлян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, стр. 80.

²⁹ См. подробно в кн.: М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 109 сл.

³⁰ См. В. В. Стоклицкая-Терешкович. Международные отношения в Западной Европе во второй половине XII в. и Третий крестовый поход (1189—1192). «Преподавание истории в школе», 1947, № 4, стр. 28.

³¹ См. Усама ибн-Мункыз. Книга назидания (перев. М. А. Салье). М., 1958, стр. 208.

³² Усама ибн-Мункыз. Ук. соч., стр. 209.